

УДК 316.7

Клименко Людмила Владиславовна

доктор социологических наук, доцент,
профессор Высшей школы бизнеса Южного федерального университета
lucl@yandex.ru

Горайнов Сергей Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
Высшей школы бизнеса Южного федерального университета
gors67@yandex.ru

Будаев Павел Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета
pavelbudaev@list.ru

Lyudmila V. Klimenko

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Higher School of Business of the Southern Federal University
lucl@yandex.ru

Sergey G. Goryaynov

Candidate of historical sciences, associate professor, head of the department
of the Graduate School of Business of the Southern Federal University
gors67@yandex.ru

Pavel E. Budaev

Candidate of sociological sciences, associate professor of the Higher School
of Business of the Southern Federal University
pavelbudaev@list.ru

**Региональные особенности идентичности молодежи
Южного федерального округа**

Regional Features of the Youth Identity in the Southern Federal District

Аннотация. В статье анализируются результаты эмпирического исследования структуры многоуровневой идентичности молодежи Южного федерального округа. На материалах опроса студентов Краснодарского края, Волгоградской области и Республики Адыгея показывается, что на личностном уровне в сознании молодежи доминируют общегражданские идентичности в краснодарском сегменте и этнические – в адыгейском. В самосознании студентов Волгоградской области доминируют аскриптивные комплексы идентификаций. Региональный компонент «я-идентификации» проявляется в ориентации молодёжи Адыгеи на локальный (близость с жителями своего населённого пункта) и макрорегиональный уровни идентичности (население Северного Кавказа); тогда как отождествление

себя с жителями макрорегиона Юга России в большей степени присуще молодежи Краснодарского края

Ключевые слова: личностная идентичность, молодежь, Южный федеральный округ, общероссийская, региональная, этническая идентичность

Annotation. The article analyzes the results of an empirical study of the multi-level identity structure of youths in the Southern Federal District. Basing on the survey of students in the Krasnodar Region, the Volgograd Region and the Republic of Adygea it is shown that the general civil identities dominate in the Krasnodar segment at the personal level in the minds of youth; and ethnic ones - in Adygea. In the self-awareness of students in the Volgograd region ascriptive complexes of identities dominate. The regional component of "self-identification" is manifested in the orientation of the Adygea youths to local (proximity to residents of their area) and macroregional levels of identity (population of the North Caucasus); whereas the youth of the Krasnodar District is more characterized by identification with the inhabitants of the macroregion of the South of Russia.

Key words: personal identity, youths, Southern Federal District, all-Russian, regional, ethnic identity

Юг России традиционно отличается многообразием культурного, национального и конфессионального состава населения. В этих условиях социальная идентичность населения региона предполагает одновременное сосуществование гражданского, этнокультурного (включая конфессиональный элемент) и регионального компонентов, которые могут конкурировать, но могут и взаимодополнять друг друга. В условиях полиэтничных территорий особое значение приобретает способность общегражданской идентичности консолидировать поликультурное население страны [4]. «Интегрирующая российская идентичность противостоит агрессивному воздействию этнонациональной идеологии (как этнических меньшинств, так и этнического большинства страны), призывающей к защите прав и интересов от лица той или иной этнической группы в ущерб другим, и апеллирующую к культурным и/или религиозным ценностям и мифам» [5].

Данные общероссийских социологических исследований фиксируют общую тенденцию укрепления общегражданской идентификации населения России. Еще в 2004 г. признание российской идентичности уступало этнической самоидентификации и сильную связь с гражданами России ощущали лишь менее трети респондентов. Но уже к 2011 г. российская идентичность у большинства населения (более 70%) стала самой распространенной и ощущение связи со страной в целом – более сильным [1]. Вместе с тем, в полиэтничных территориях сохраняется большое влияние этнического фактора идентификации. И противоречия между гражданской общероссийской и этнической идентичностью выступают основанием дезинтеграционных процессов в многосоставных регионах.

Подобная постановка проблемы определила содержание прикладного социологического исследования идентичности молодежи Юга России. Методом

стандартизированного интервью были опрошены студенты Краснодарского края, Волгоградской области и Республики Адыгея. В Краснодарском крае (г.Краснодар) было опрошено 136 человек (48,1% мужчин и 51,9% женщин), в Волгоградской области (г.Волгоград) - 276 молодых людей (31,4% мужчин и 68,6% женщин), в Республике Адыгея (г. Майкоп) – 122 человека (41,8% мужчин и 58,2% женщин).

Для эмпирического изучения структуры социальной идентичности в адаптированном варианте применялась методика фиксирования «я-идентификаций» [2]. Респондентам задавался вопрос: «Что Вы думаете о себе?». Опрашиваемый получал набор карточек с различными характеристиками, из которых он выбирал 10 наиболее ему подходящих. Далее респондента просили ранжировать отобранные характеристики по степени важности, соответственно, по десятибалльной шкале (где 1 – наиболее, а 10 – наименее важная характеристика). Таким образом, для каждого участника опроса получался определенный набор релевантных ему социальных характеристик, дифференцированных по степени их значимости.

Эмпирические результаты опроса среди **молодёжи Краснодарского края** выявляют приоритетность для этой группы жителей макрорегиона *общегражданской идентификации* - первые места в рейтинге распространённости (82,4%) и по степени важности (53,6% - и это самый высокий показатель по всем подвыборкам). Традиционно важными для краснодарской молодёжи выступают ассоциации с примордиальными общностями (семья, поколение, гендер). Выраженным также является «социально-перспективное Я», когда позицию «человек с будущим» выбирают 52,9% молодых людей и «успешный человек» - 44,1% респондентов, что соответствует третьему и пятому местам в рейтинге распространённости. Региональная идентичность представлена в «краснодарском сегменте» на макроуровне – 35,3% опрошенных (7 место в рейтинге распространённости) причисляют себя к жителям Юга России. Идентификация по национальному признаку немного важнее и собирает 38,2% респондентов (6 место по числу упоминаний). (См. табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг «я-идентификаций» молодежи Краснодарского края

Идентификация	Распростра- нённость	Ранг	
		1	2
Гражданин России	82,4	53,6	14,3
Мать/отец/сын/дочь	73,5	4,0	20,0
Мужчина/женщина	44,1	26,7	20,0
Молодой/пожилой/сред. лет	50,0	11,8	17,6
Православный	23,5	37,5	12,5
Житель своей области /края/ республики	23,5	-	25,0
Жена/муж	26,5	11,1	22,2
Житель Юга России	35,3	-	41,7

Представитель своего народа	38,2	7,7	15,4
Человек с будущим	52,9	16,7	11,1
Человек, добившийся всего сам	29,4	30,0	10,0
Студент/учащийся	44,1	-	16,7
Представитель своей профессии	17,6	16,7	16,7
Успешный человек	44,1	3,0	27,3
Житель Северного Кавказа	14,7	-	-
Житель своего села/ посёлка /насел. пункта	5,9	-	-

Эмпирическое изучение структуры многоуровневой идентичности **молодёжи Волгоградской области** выявляет, что в этом сегменте достаточно низкие показатели выраженности общегражданской идентификации. Отождествление себя с гражданами России характерно для 58% молодых волгоградцев. И хотя это соответствует 2 месту по степени распространённости внутри сегмента, однако сравнительный анализ показателей общероссийской идентификации в различных территориальных подгруппах Юга России показывает, что схожее число ответов встречается только в «адыгейской» группе (59%). В других рассматриваемых субрегионах выраженность надэтнической гражданской идентификации характеризует от 75% до 85,2% опрошенной молодёжи (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг «я-идентификаций» молодежи Волгоградской области

Идентификация	Распростра- нённость	Ранг	
		1	2
Гражданин России	58,0	28,8	16,3
Мать/отец/сын/дочь	57,2	22,8	19,0
Мужчина/женщина	65,2	31,1	22,2
Молодой/пожилой/сред. лет	52,9	4,1	17,8
Православный	23,2	3,1	12,5
Житель своей области /края/ республики	23,9	3,0	3,0
Жена/муж	15,9	9,1	18,2
Житель Юга России	8,0	-	9,1
Представитель своего народа	38,4	3,8	15,1
Человек с будущим	47,8	4,5	10,6
Человек, добившийся всего сам	21,7	23,3	6,7
Студент/учащийся	56,5	11,5	5,1
Представитель своей профессии	13,8	10,5	26,3
Успешный человек	18,1	8,0	4,0
Житель Северного Кавказа	2,2	-	-
Житель своего села/ посёлка /насел. пункта	26,8	13,5	5,4

При опросе в Республике Адыгея в выборке исследования было представлено 45% адыгейской молодёжи, поэтому в процессе анализа результатов исследования были отдельно выделены подгруппы молодых респондентов, относящихся к титульной для республики этнической группы и русской молодёжи.

Анализ когнитивных идентификаций **русской молодёжи** проживающей в **Республике Адыгея** показали, что позицию «гражданин России» выбрали в числе десяти самых важных 71,0% респондентов, и ещё 31,8% из них поставили её на первое по степени значимости место. Когнитивная я-идентификация с государством по распространённости конкурирует с такой аскриптивной человеческой идентичностью, как половая принадлежность (83,9%). Вместе с тем, если гендерный статус выходит на первое место в рейтинге распространённости, то по степени важности немного уступает гражданской идентификации русской молодёжи. Среди представителей данной группы на второе место по числу совершённых выборов также выходит позиция этнической идентификации (71,1%). Хотя показатели уровня значимости данного параметра не высоки, в первую очередь по отношению к другим характеристикам его ставят 9,1% опрошенных (табл. 3).

В десятку самых распространённых в сегменте русской молодёжи входят и различные проявления региональной идентичности. Локальная идентификация (житель своего села / города) выбирается половиной (48,4%) респондентов, что относится к 6 месту в рейтинге распространённости. Самоотождествление с жителями республики Адыгея характерно ещё для 41,9% опрошенных данной подгруппы и это 9 место в рейтинге (табл. 3).

Анализ количественных данных исследования «я-идентификаций» молодёжи Адыгеи, относящейся к **титульному этносу**, выявляет, что на двух первых позициях в этой группе размещаются примордиальные идентичности, которые по степени значимости собирают наибольшее число ответов (семейные статусы – 75,3%, гендерные статусы – 71,3%). В третью очередь адыгейская молодёжь демонстрирует гражданскую идентичность, характерную для 61,1% опрошенных. Эта же позиция выходит на первые места в рейтинге важности в 42,4% случаев, уступая, как и в «русском» сегменте, только гендерной идентичности. (См. табл. 3).

Менее распространена среди адыгейской молодёжи, чем среди русской, когнитивная идентификация по этническому основанию. Она занимает четвертую позицию по степени распространённости (а в «русском» сегменте вторую) и в процентном выражении составляет 57,4% респондентов (против 71,0% в первой группе). В первую семёрку идентификаций молодёжи титульного этноса Адыгеи попадает субрегиональная идентичность (50,0%), как определение себя жителем республики (против девятого места и 41,9% в группе русской молодёжи). Тогда как несколько меньшее число адыгейцев проявили в ходе опроса локальный уровень региональной идентичности. Отождествление себя с населением своего города/ села характерно для 44,4% (10 место) республиканской молодёжи титульного этноса против 48,4% (6

место) в «русском» сегменте. Здесь необходимо отметить, что на близость с жителями всего Северного Кавказа адыгейская молодёжь указывает в два раза чаще, чем русская (35,2% против 19,4%) (См. табл. 3).

Проведённое исследование также показало, что в структуре множественной социальной идентичности молодых адыгейцев на порядок выше удельный вес конфессиональных идентификаций. Так, выбирают позицию «мусульманин» 46,3% респондентов данной группы, а «православный» - 19,4% опрошенных из «русского» сегмента. Кроме того, в «адыгейской» подгруппе более чем в другом сегменте распространён выбор идентичностей «социально-перспективного Я» (человек с будущим, успешный человек, человек с достатком). (См. табл. 3). По всей видимости, адыгейская молодёжь более комфортно себя ощущает в республике, чем молодые респонденты не относящиеся к титульному этносу.

Таблица 3. Рейтинг «я-идентификаций» этнических групп молодёжи, проживающей в Республике Адыгея

Идентификация	Русские			Адыгейцы		
	Расп-ростран.	Ранг 1	Ранг 2	Расп-ростран	Ранг 1	Ранг 2
Гражданин России	71,0	31,8	22,7	61,1	42,4	9,1
Мужчина/ женщина	83,9	30,8	23,1	70,4	44,7	34,2
Представитель своего народа	71,0	9,1	9,1	57,4	9,7	32,3
Мать/отец/сын/дочь	61,3	21,1	10,5	75,9	17,1	14,6
Жена/муж	51,6	6,3	18,8	46,3	4,0	12,0
Житель своего города / села	48,4	-	12,5	44,4	-	4,2
Молодой / пожилой/ сред. Лет	48,4	-	-	51,9	3,6	3,6
Человек с будущим	41,9	7,7	-	50,0	3,7	18,5
Житель Адыгеи	41,9	7,7	-	50,0	3,7	3,7
Человек, добившийся всего сам	32,3	10,0	10,0	27,8	6,7	6,7
Представитель своей профессии	29,0	11,1	11,1	33,3	5,6	11,1
Житель Юга России	29,0	-	-	11,1	-	-
Православный/мусульманин	19,4	-	-	46,3	4,0	-
Житель Северного Кавказа	19,4	-	-	35,2	-	-
Успешный человек	19,4	16,7	-	31,5	5,9	-
Студент/учащийся	16,1	-	-	11,1	-	16,7
Человек с достатком	12,9	-	-	29,6	6,3	6,3
Глава семьи	12,9	-	25,0	11,1	-	-

В результате проделанного социологического анализа особенностей многоуровневой идентичности молодёжи ЮФО можно заключить:

- на уровне личностной идентичности выявляется доминирование общегражданских конструируемых идентичностей в краснодарском сегменте, и примордиальных этнических идентичностей – в адыгейском;

- этнокультурная специфика самосознания молодёжи Адыгеи проявляется в том, что среди русской молодёжи удельный вес гражданских идентификаций выше, чем в сегменте «титульного» для республики этноса; вместе с тем, русская молодёжь проживающая в республике чаще, чем жители «русскоязычных» областей и территорий Юга России указывает на важность для них этнической принадлежности;

- в самосознании молодёжи Волгоградской области относительно слабо выражены и гражданский, и этнический, и региональный уровни идентичности, но доминируют аскриптивные комплексы идентификаций;

- региональный компонент «я-идентификации» проявляется в ориентации молодёжи Адыгеи на локальный (близость с жителями своего населённого пункта) и макрорегиональный уровни идентичности (население Северного Кавказа); тогда как отождествление себя с жителями макрорегиона Юга России в большей степени присуще молодёжи Краснодарского края.

Литература

1. Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // *Гуманитарий Юга России*. 2013. №3. С.16.

2. Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. М.: ИС РАН. 2006. С. 75-76.

3. Дмитриев А.В., Денисова Г.С., Клименко Л.В. Южнороссийская идентичность: факторы и ресурсы: коллективная монография / М.: Альфа-М, 2010.

4. Клименко Л.В., Денисова Г.С. Особенности региональной идентичности населения Юга России // *Социологические исследования*. М., 2013. №7.

5. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 133-134.

Literature

1. Gorshkov M.K. A role of the state in preservation and development of national and civil identity and confidence-building in the context of global processes//*the Humanist of the South of Russia*. 2013. No. 3. Page 16.

2. Danilova E.N. Civil and ethnic identifications in Russia and Poland//*Civil, ethnic and religious identities in modern Russia*. M.: IS RAS. 2006. Page 75-76.

3. Dmitriyev A.V., Denisova G.S., Klimenko L.V. South Russian identity: factors and resources: collective monograph / M.: Alpha M, 2010.

4. Klimenko L.V., Denisova G.S. Features of regional identity of the population of the South of Russia//*Sociological researches*. M., 2013. No. 7.

5. *Social factors of consolidation of the Russian society: sociological measurement. / Under the editorship of the member correspondent of RAS M.K. Gorshkov. M.: New chronograph, 2010. Page 133-134.*